

УДК 821.162.3-31
ББК 84(4Чех)-44
Г24

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с чешского *П. Богатырева*

Серийное оформление *Е. Ферез*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Гашек, Ярослав.

Г24 Похождения бравого солдата Швейка : [роман] / Ярослав Гашек. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 800 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-107690-0

«Похождения бравого солдата Швейка» — это, пожалуй, одна из оригинальнейших книг за всю историю прозы XX века. Книга, которую в равной степени можно воспринимать как одну большую, полную абсолютно неподражаемого народного лукавства «солдатскую байку» — или как классическое произведение литературы ушедшего столетия. Смешно? Смешно гомерически! Но очень часто сквозь заводной и разудалый юмор «гарнизонного анекдота» проглядывает истинная суть «Швейка» — отчаянный и мощный призыв «сложить оружие и задуматься»...

УДК 821.162.3-31
ББК 84(4Чех)-44

ISBN 978-5-17-107690-0

© Перевод. П.Г. Богатырев, наследники, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Предисловие

Великой эпохе нужны великие люди. На свете существуют непризнанные скромные герои, не завоевавшие себе славы Наполеона. История ничего не говорит о них. Но при внимательном анализе их слава затмила бы даже славу Александра Македонского. В наше время вы можете встретить на пражских улицах бедно одетого человека, который и сам не подозревает, каково его значение в истории новой, великой эпохи. Он скромно идет своей дорогой, ни к кому не пристаёт, но и к нему не пристаёт журналисты с просьбой об интервью. Если бы вы спросили, как его фамилия, он ответил бы просто и скромно: «Швейк». И действительно, этот тихий, скромный человек в поношенной одежде — не кто иной, как старый бравый солдат Швейк, отважный герой, имя которого еще во времена Австро-Венгрии не сходило с уст всех граждан Чешского королевства и слава которого не померкнет и в республике.

Я искренне люблю бравого солдата Швейка и, представляя вниманию читателей его похождения во время мировой войны, уверен, что все они будут симпатизировать этому непризанному герою. Он не поджег храма богини в Эфесе, как это сделал глупец Герострат для того, чтобы попасть в газеты и школьные хрестоматии.

И этого вполне достаточно.

Автор

Часть первая

В ТЫЛУ

Глава I

Вторжение хравого солдата Швейка в мировую войну

— Убили, значит, Фердинанда-то нашего, — сказала Швейку его служанка.

Швейк несколько лет тому назад, после того как медицинская комиссия признала его идиотом, ушел с военной службы и теперь промышлял продажей собак — безобразных ублюдков, которым он сочинил фальшивые родословные.

Кроме того, он страдал ревматизмом и в настоящий момент растирал себе колени оподельдоком.

— Какого Фердинанда, пани Мюллер? — спросил Швейк, не переставая массировать колени. — Я знаю двух Фердинандов. Один служил у фармацевта Пруши и выпил у него как-то раз по ошибке бутылку жидкости для рашения волос, а еще есть Фердинанд Кокошка, тот, что собирает собачье дерьмо. Обоих ничуть не жалко.

— Нет, сударь, эрцгерцога Фердинанда. Того, что жил в Конопище, того толстого, набожного...

— Иисус Мария! — вскричал Швейк. — Вот те на! А где это с паном эрцгерцогом случилось?

— Укокошили его в Сараеве. Из револьвера. Ехал он там со своей эрцгерцогиней в автомобиле.

— Скажите, пожалуйста, пани Мюллер, в автомобиле! Конечно, такой барин может себе это позволить. А наверно, и не подумал, что эти автомобильные поездки могут плохо кончиться. Да еще в Сараеве! Ведь это Сараево в Боснии, пани Мюллер... А подстроили

6 это, видать, турки. Нечего нам было соваться отнимать у них Боснию и Герцеговину.. Так вот какие дела, пани Мюллер. Эрцгерцог, значит, приказал долго жить. Долго мучился?

— Пан эрцгерцог сразу был готов, сударь. Известно — с револьвером шутки плохи. Недавно тут у нас в Нуслях забавлялся револьвером один господин и перестрелял всю семью да еще швейцара, который пошел посмотреть, кто там стреляет с четвертого этажа.

— Из иного револьвера, пани Мюллер, хоть лопни — не выстрелишь. Таких систем — пропасть. Но для пана эрцгерцога, наверно, купили что-нибудь особенное. К тому же я готов биться об заклад, что человек, который стрелял, по такому случаю как следует разделся. Известное дело, стрелять в эрцгерцога — работа нелегкая. Это не то, что бродяге подстрелить лесника. Все дело в том, как до него добраться. К такому барину в лохмотьях не подойдешь. Нужно обязательно надеть цилиндр, а то того и гляди сцапает полицейский.

— Говорят, сударь, народу там много было.

— Это само собой, пани Мюллер, — подтвердил Швейк, заканчивая массаж колен. — Если бы вы, например, пожелали убить эрцгерцога или государя императора, вы обязательно с кем-нибудь посоветовались бы. Ум хорошо — два лучше. Один присоветует одно, другой — другое, «и путь открыт к успехам», как поется в нашем гимне. Главное дело — разнюхать, когда такой барин поедет мимо. Помните господина Люккени, который проткнул нашу покойную Елизавету напильником? Ведь он с ней прогуливался. Вот и верьте после этого кому-нибудь! С той поры ни одна императрица не ходит гулять. Это случится еще со многими. Вот увидите, пани Мюллер, что они доберутся и до русского царя с царицей, а может быть, не дай бог, и до нашего государя императора, раз уж начали с его дяди. У него, у старика, много врагов, побольше еще, чем у Фердинанда. Недавно в трактире один господин рассказывал: «Придет время — эти императоры полетят один за другим, и им даже государственная

прокуратура не поможет». Потом оказалось, 7
что этому типу нечем расплатиться за пиво,
и трактирщику пришлось позвать полицию, а он дал
трактирщику оплеуху, а полицейскому — две. Потом
его увезли в корзине очухаться... Да, пани Мюллер,
дела нынче творятся! Значит, еще одна потеря для Ав-
стрии. Когда я был на военной службе, так там один
пехотинец застрелил капитана. Зарядил ружье и по-
шел в канцелярию. Там сказали, что ему в канцелярии
делать нечего, а он все свое: должен, мол, говорить
с капитаном. Капитан вышел и лишил его отпуска из
казармы, а он взял ружье и — бац ему прямо в серд-
це! Пуля пробила капитана насквозь да еще наделала
в канцелярии бед: расколола бутылку с чернилами,
и они залили служебные бумаги.

— А что стало с тем солдатом? — спросила минуту
спустя пани Мюллер, когда Швейк уже одевался.

— Повесился на помочах, — ответил Швейк, чи-
стя свой котелок. — А помочи-то были не его, он их
одолжил у тюремного сторожа. У него, дескать, штаны
спадают. Не ждать же ему было, пока его расстреляют?
Да ведь понятно, пани Мюллер, в таком положении
у кого голова кругом не пойдет! Тюремного сторожа
разжаловали и вкатили ему шесть месяцев, но он их
не отсидел, удрал в Швейцарию и теперь проповедует
там в какой-то церкви. Нынче честных людей мало,
пани Мюллер. Думается мне, что эрцгерцог Фердинанд
в этом самом Сараеве ошибся в том человеке, который
его застрелил. Увидел небось этого господина и подум-
мал: «Должно быть, порядочный человек, раз меня
приветствует». А тот возьми да и хлопни. Одну всадил
или несколько?

— Газеты, сударь, пишут, что эрцгерцог был как ре-
шето. Тот выпустил в него все патроны.

— Это очень быстро делается, пани Мюллер. Страш-
но быстро. Я бы для такого дела купил себе браунинг: на
вид игрушка, а из него можно в две минуты перестре-
лять двадцать эрцгерцогов, хоть тощих, хоть толстых.
Впрочем, между нами говоря, пани Мюллер, в толсто-

8 го эрцгерцога вернее попадешь, чем в тощего. Может, помните, как в Португалии подстрелили ихнего короля? А он был во какой толстый! Вы и сами ведь понимаете, тощим король не будет... Ну, я пошел в трактир «У чаши». Если придут брать терьера, за которого я взял задаток, то скажите, что я держу его на своей псарне за городом, что недавно подрезал ему уши и, пока уши не заживут, перевозить щенка нельзя, а то их можно застудить. Оставьте ключ у привратницы.

В трактире «У чаши» сидел только один посетитель. Это был агент тайной полиции Бретшнейдер. Трактирщик Паливец мыл посуду, и Бретшнейдер тщетно пытался завязать с ним серьезный разговор.

Паливец был известный грубиян. Каждое второе слово у него было «задница» или «дерьмо». Но при этом он был начитан и всем советовал прочесть, что написал Виктор Гюго о последнем предмете, рассказывая о том, как ответила англичанам Старая наполеоновская гвардия в битве при Ватерлоо.

— Хорошее лето стоит, — завязывал Бретшнейдер серьезный разговор.

— Всему этому цена дерьмо! — ответил Паливец, убирая посуду в шкаф.

— Ну и наделали нам в Сараеве делов! — со слабой надеждой промолвил Бретшнейдер.

— В каком «Сараеве»? — спросил Паливец. — В нусельском трактире, что ли? Там драки каждый день. Известное дело — Нусли!

— В Боснийском Сараеве, пан трактирщик. Застрелили там эрцгерцога Фердинанда. Что вы на это скажете?

— Я в такие дела не вмешиваюсь. Ну их всех в задницу с такими делами! — вежливо ответил пан Паливец, закуривая трубку. — Нынче вмешиваться в такие дела — того и гляди сломаешь себе шею. Я трактирщик. Кто ко мне приходит, требует пива, я тому и наливаю. А какое-то Сараево, политика или там покойный эрцгерцог — нас это не касается. Не про нас это писано. Это Панкрацем пахнет.

Бретшнейдер умолк и разочарованно оглядел 9
пустой трактир.

— Здесь прежде висел портрет государя императора, — минуту спустя опять заговорил он. — Как раз на том месте, где теперь зеркало.

— Да, правду изволите говорить, — ответил пан Паливец, — висел. Да только гадили на него мухи, так я его убрал на чердак. Знаете, еще позволит себе кто-нибудь на этот счет замечание, и может выйти неприятность. На кой черт мне это надо?

— В Сараеве, должно быть, очень скверно было, пан трактирщик?

На этот прямо поставленный коварный вопрос пан Паливец ответил чрезвычайно осторожно:

— Да, в это время в Боснии и Герцеговине страшно жарко. Когда я там служил, нашему обер-лейтенанту приходилось прикладывать лед к голове.

— В каком полку вы служили, господин трактирщик?

— Я таких мелочей не помню, я никогда не интересовался такой мерзостью, — ответил пан Паливец. — Я на этот счет не любопытен. Излишнее любопытство вредит.

Тайный агент Бретшнейдер окончательно умолк, и его нахмуренное лицо повеселело только с приходом Швейка, который, войдя в трактир, заказал себе черного пива, заметив при этом:

— В Вене сегодня тоже траур.

Глаза Бретшнейдера загорелись надеждой, и он быстро проговорил:

— В Конопище вывешено десять черных флагов.

— Нет, должно быть, двенадцать, — сказал Швейк, отпив из кружки.

— Почему вы думаете, что двенадцать? — спросил Бретшнейдер.

— Для ровного счета — дюжина. Так считать легче, да на дюжину и дешевле выходит, — ответил Швейк.

Воцарилась тишина, которую нарушил сам Швейк, вздохнув:

— Так, значит, приказал долго жить, царство ему небесное! Не дождался, пока будет императором. Когда

10 я служил на военной службе, один генерал упал с лошади и расшибся. Хотели ему помочь, посадить на коня, посмотрели, а он уже готов — мертвый. А ведь метил в фельдмаршалы. На смотре это с ним случилось. Эти смотры никогда до добра не доводят. В Сараеве небось тоже был какой-нибудь смотр. Помню я, как-то на смотре у меня на мундире не хватило двадцатой пуговицы, и за это меня посадили на четырнадцать дней в одиночку. И два дня я, как Лазарь, лежал связанный «козлом». Ничего не поделаешь — на военной службе должна быть дисциплина. Не будь ее, всем было бы на все наплевать. Наш обер-лейтенант Маковец всегда нам говорил: «Дисциплина, болваны, необходима. Не будь дисциплины, вы бы, как обезьяны, по деревьям лазили. Военная служба из вас, дураки безмозглые, людей сделает!» Ну, разве это не так? Вообразите себе сквер, скажем, на Карловой площади, и на каждом дереве сидит по одному солдату без всякой дисциплины. Это меня ужасно пугает.

— Все это сербы наделали, в Сараеве-то, — старался направить разговор Бретшнейдер.

— Ошибаетесь, — ответил Швейк, — это все турки натворили. Из-за Боснии и Герцеговины.

И Швейк изложил свой взгляд на внешнюю политику Австрии на Балканах: турки проиграли в 1912 году войну с Сербией, Болгарией и Грецией; они хотели, чтобы Австрия им помогала, а когда этот номер у них не прошел — застрелили Фердинанда.

— Ты турок любишь? — обратился Швейк к трактирщику Паливцу. — Этих нехристей? Ведь нет?

— Посетитель как посетитель, — сказал Паливец, — хоть бы и турок. Нам, трактирщикам, до политики никакого дела нет. Заплати за пиво, сиди себе в трактире и болтай что в голову взбрдет — вот мое правило. Кто бы ни прикончил нашего Фердинанда, серб или турок, католик или магометанин, анархист или младочех, — мне все равно.

— Хорошо, пан трактирщик, — промолвил Бретшнейдер, опять начиная терять надежду, что кто-

нибудь из двух попадется. — Но сознайтесь, что это большая потеря для Австрии. 11

Вместо трактирщика ответил Швейк:

— Конечно, потеря, спору нет. Ужасная потеря. Фердинанда не заменишь каким-нибудь болваном. Только надо бы ему быть еще потолще.

— Что вы хотите этим сказать? — оживился Бретшнейдер.

— Что хочу сказать? — с охотой ответил Швейк. — Вот что. Если бы он был толще, то его уж давно бы хватила кондрашка, еще когда он в Конопище гонялся за старухами, которые у него в имении собирали хворост и грибы. Будь он толще, ему не пришлось бы умереть такой позорной смертью. Ведь только подумать — дядя государя императора, а его пристрелили! Это же позор, об этом трубят все газеты! У нас в Будейовицах несколько лет назад на базаре случилась небольшая ссора и проткнули одного торговца скотом, некоего Бржетислава Людвика. А у него был сын Богуслав, — так тот куда, бывало, ни придет продавать поросят, у него никто ничего не покупает. Каждый, бывало, говорил: «Это сын того, которого проткнули на базаре. Тоже небось порядочный жулик!» В конце концов ему ничего не оставалось, как прыгнуть в Крумлове с моста во Влтаву, а потом пришлось его оттуда вытаскивать, пришлось воскрешать, пришлось воду из него выкачивать... и все же ему пришлось скончаться на руках у доктора, после того как тот впрыснул ему что-то.

— Странное, однако, сравнение, — многозначительно произнес Бретшнейдер. — Сначала говорите о Фердинанде, а потом о торговце скотом.

— Вовсе нет, — стал оправдываться Швейк. — Боже сохрани, чтобы я вздумал кого-нибудь с кем-нибудь сравнивать! Пан трактирщик меня знает. Верно ведь, что я никогда никого ни с кем не сравнивал? Я только не хотел бы быть в шкуре вдовы эрцгерцога. Что она теперь будет делать? Дети осиротели, имение в Конопище без хозяина. Выходить за какого-нибудь другого эрцгерцога? Что толку? Поедет опять с ним в Сараево

12 и второй раз овдовеет... Вот, например, в Зливе, близ Глубокого, несколько лет тому назад жил один лесник с этакой безобразной фамилией — Пиндюр. Застрелили его браконьеры, и осталась после него вдова с двумя детьми. Через год она вышла замуж опять за лесника, Пефика Шалловица из Мыловар, ну, и того тоже хлопнули. Вышла в третий раз опять за лесника и говорит: «Бог троицу любит. Если уж теперь не повезет, не знаю, что и делать». Понятно, и этого застрелили, а у нее уже было от этих лесников круглым счетом шестеро детей. Пошла она в канцелярию самого князя, в Глубокое, и плакалась там, какое с этими лесниками приняла мучение. Тогда ей порекомендовали выйти за Яреша, сторожа у пруда, с Ражицкой запруды. И — что бы вы думали? — утопили и его во время рыбной ловли! И от него она тоже прижила двух детей. Потом она вышла замуж за коновала из Воднян, и тот ее раз ночью стукнул топором и добровольно сам о себе заявил. Когда его потом при окружном суде в Писеке вешали, он укусил священнику нос и заявил, что вообще ни о чем не сожалеет, да сказал еще что-то очень скверное про государя императора.

— А не знаете, что он про него сказал? — голосом, полным надежды, спросил Бретшнейдер.

— Этого я вам сказать не могу, этого еще никто не осмелился повторить. Но его слова, говорят, были такие ужасные, что один судейский чиновник, который присутствовал там, спятил с ума, и его еще до сих пор держат в изоляции, чтобы ничего не вышло наружу. Это не было обычное оскорбление государя императора, какие делаются спьяну.

— А какие оскорбления государю императору делаются спьяну? — спросил Бретшнейдер.

— Прошу вас, господа, перемените разговор, — вмешался трактирщик Паливец. — Я, знаете, этого не люблю. Сбрехнут какую-нибудь ерунду, а потом человеку неприятности.

— Какие оскорбления наносятся государю императору спьяну? — переспросил Швейк. — Всякие.

Напейтесь, велите сыграть вам австрийский 13 гимн, и вы увидите, что наговорите. Насочините о государе императоре столько, что если бы лишь половина была правда, хватило бы ему позору на всю жизнь. А он, старик, по правде сказать, этого не заслужил. Примите во внимание: сына Рудольфа он потерял во цвете лет, полного сил, жену Елизавету у него проткнули напильником, потом не стало его брата Яна Орта, а брата — мексиканского императора застрелили в какой-то крепости у стенки. Теперь опять, на старости лет, подстрелили у него дядю. Нужно иметь железные нервы. И после всего этого вспомнит о нем какой-нибудь пьяница и начнет его ругать. Если теперь что-нибудь разразится, пойду добровольцем и буду служить государю императору до последней капли крови!

Швейк основательно хлебнул пива и продолжал:

— Вы думаете, что государь император все это так оставит? Плохо вы его знаете. Война с турками непременно должна быть. «Убили моего дядю, так вот вам по морде!» Война неизбежна. Сербия и Россия в этой войне нам помогут. Будет драка!

Швейк в момент своего пророчества был прекрасен. Его добродушное лицо вдохновенно сияло, как полная луна. Все для него было просто и ясно.

— Может статься, — продолжал он рисовать будущее Австрии, — что на нас в случае войны с Турцией нападут немцы. Ведь немцы с турками заодно. Это такие мерзавцы, равных которым в мире не сыщешь. Но мы можем заключить союз с Францией, которая с семьдесят первого года точит зубы на Германию, и все пойдет как по маслу. Война будет, больше я вам ничего не скажу.

Бретшнейдер встал и торжественно произнес:

— Больше вам говорить и не надо. Выйдемте-ка со мною на пару слов в коридор.

Швейк вышел за агентом тайной полиции в сени, где его ждал небольшой сюрприз: собутыльник показал ему «орла» и заявил, что Швейк арестован и он немед-

14 ленно отведет его в полицию. Швейк пытался объяснить, что, по-видимому, пан ошибается, так как он совершенно невинен и не вымолвил ни одного слова, которое могло бы кого-нибудь оскорбить.

На это Бретшнейдер заявил, что Швейк совершил несколько преступлений, среди которых имела место и государственная измена.

Потом оба вернулись в трактир, и Швейк сказал Паливцу:

— Я выпил пять кружек пива и съел пару сосисок с рогаликом. Дайте мне еще рюмочку сливянки. Мне уже пора идти, так как я арестован.

Бретшнейдер показал Паливцу своего «орла», с минуту глядел на трактирщика и потом спросил:

— Вы женаты?

— Да.

— А может ваша жена вместо вас вести дело во время вашего отсутствия?

— Может.

— Тогда все в порядке, пан трактирщик, — весело сказал Бретшнейдер. — Позовите вашу супругу и передайте ей все дела. Вечером за вами приедем.

— Не тревожься, — утешал Паливца Швейк. — Я арестован всего только за государственную измену.

— Но я-то за что? — заныл Паливец. — Ведь я был так осторожен!

Бретшнейдер усмехнулся и сказал с победоносным видом:

— За то, что вы сказали, будто на государя императора гадили мухи. Вам этого государя императора вышибут из головы.

Швейк покинул трактир «У чаши» в сопровождении агента тайной полиции. Когда они вышли на улицу, Швейк, заглядывая ему в лицо, спросил со своей добродушной улыбкой:

— Мне сойти с тротуара?

— Зачем?

— Я полагаю, раз я арестован, то не имею права ходить по тротуару.

Когда они входили в ворота полицейского управления, Швейк заметил: 15

— Славно провели время! Часто бываете в трактире «У чаши»?

В то время как Швейка вели в канцелярию полиции, в трактире «У чаши» пан Паливец передавал дела своей плачущей жене, своеобразно утешая ее:

— Не плачь, не реви! Что они могут мне сделать из-за обгаженного портрета государя императора?

Так очаровательно и мило вступил в мировую войну бравый солдат Швейк. Историков заинтересует, как мог он так далеко заглянуть в будущее. Если позднее события развернулись не совсем так, как он излагал «У чаши», то мы должны иметь в виду, что Швейк не получил нужного дипломатического образования.

Глава II

Бравый солдат Швейк в полицейском управлении

Сараевское покушение наполнило полицейское управление многочисленными жертвами. Их приводили одну за другой, и в канцелярии для приема арестованных старик инспектор, встречая их, добродушно говорил:

— Этот Фердинанд вам дорого обойдется!

Когда Швейка заперли в одну из многочисленных камер в первом этаже, он нашел там общество из шести человек. Пятеро из них сидели вокруг стола, а в углу на койке, как бы сторонясь всех, сидел шестой — мужчина средних лет.

Швейк начал расспрашивать одного за другим, за что их посадили. От всех пяти, сидевших за столом, он получил почти один и тот же ответ:

- Из-за Сараева.
- Из-за Фердинанда.
- Из-за убийства эрцгерцога.
- За Фердинанда.